

Николай Семёнович Лесков

Лучший богомолец

Николай Лесков
Лучший богомолец

«Public Domain»

1895

Лесков Н. С.

Лучший богомолец / Н. С. Лесков — «Public Domain»,
1895

Статья Лескова представляет интерес в нескольких отношениях. Прежде всего, это – одно из первых по времени свидетельств увлечения писателя Прологами как художественным материалом. Вместе с тем в статье этой писатель, также едва ли не впервые, открыто заявляет о полном своем сочувствии Л. Н. Толстому в его этико-философских и религиозных исканиях, о своем согласии с ним, в частности по вопросу о «направлении» его «простонародных рассказов», отнюдь не «вредном», как заявляла реакционная, ортодоксально-православная критика, но основанном на сочинениях, издавна принятых христианской церковью.

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Семенович Лесков

Лучший богомолец

(Краткая повесть по прологу с предисловием и послесловием о «тенденциях» гр. Л. Толстого)

*Целый век трудиться —
Нищим умереть, —
Вот где надобно учиться
Верить и терпеть.*

I

Вместо предисловия

Четыре периодические издания, выходящие в Москве, почти одновременно сделали попытки остепенить нападки на графа Льва Николаевича Толстого за вредное направление, замечаемое в его простонародных рассказах. Защитники графа отмечают в направлении гр. Толстого благородство, чистосердечие и вообще тон, способный возвышать настроение читателя, а такое направление, конечно, не вредно, но полезно. Потому литературные защитники графа укоряют его наладчиков за их придирчивость, пристрастие и за их бранчивый и противный тон, подходящий к известному тону «слова и дела». Особенного отпора в этом роде удостоился некто г. Воздвиженский, о литературном и каком бы то ни было ином значении которого мне ничего не известно. Известно лишь одно, что этот господин обличал где-то графа Льва Н. в дурном направлении, выражающемся в том, что, по его рассказам, если человек захочет, то может спасти себя сам, «помимо пастырей».

Судя по статье одной из московских газет («Газета Гатцука», № 16), поводом к нападкам с этой стороны послужил по преимуществу рассказ «Три старца», где один архиерей увидал, что три старца, совсем не знавшие ни одной молитвы, заслужили себе, однако, благодатный дар святости и чудотворений.

Защитники графа селятся доказать его изобличителям, что наш художник своими народными рассказами не делает ничего дурного, а делает хорошее, ибо-де «и добрый самарянин менее ближе к царству небесному, чем какой-нибудь левит той же притчи». При сем, однако, защитники графа легко уступают его порицателям то, что гр. Л. Н. будто не имеет основательных познаний в богословии.

Во имя справедливости совесть и знание понуждают протестовать против этого неосновательного и ровно ничем ее доказанного мнения. Наоборот, все последние писания графа, и особенно его вступление к пересказу евангельской истории, основательно и доказательно убеждают, что граф Л. Н. *знает богословские науки*. Если кому-либо это нужно доказать, то и это не может представить никакого затруднения.

Если же граф Л. Н. не принимает того или другого вывода богословской науки, то это не значит, что он «не знает» этой науки, а значит только то, что он *не согласен с известными выводами*. Более ничего, и это очень просто и очень ясно. Но кто позволяет себе говорить, что граф будто и не знает христианского богословия даже настолько, насколько требу-

ется этого знания от ставленника в попы, тот лишен всякого критического проникновения и напрасно уступает почву из-под ног своих.

Граф Лев Толстой хорошо знает все то, что в наших специальных курсах называется богословием. И он, очевидно, знает еще гораздо больше этого.

Еще хуже поступают защитники графа, отстаивая его рассказы только с той стороны, что их можно стерпеть, ибо они поучают деятельной нравственности. Это наладчикам графа все равно. Напрасно им говорят, что хотя рассказы графа и имеют в своем направлении нечто не совсем удобное, но, однако, это еще можно стерпеть ради возвышенных нравственных целей тех рассказов. Им это совсем ни к чему. Для чего терпеть? За красноречие, что ли?

Нет, им надо показать и доказать, что направление рассказов графа Л. Толстого не только совсем не вредно и что оно даже одобрительно и совершенно законно. И это показать и доказать можно без всяких затруднений, если только сделать это как следует. А чтобы сделать это основательно и в порядке, только надо иметь знакомство с тою отраслью церковной литературы, откуда граф Лев Н. Толстой черпает большинство мотивов для своих народных рассказов.

Откуда берет граф Л. Н. Т. сюжеты для своих народных рассказов?

Тотчас по выходе рассказа «Чем люди живы» я имел смелость указать, что рассказ этот взят из «Народных легенд Афанасьева» – именно, из легенды о том, «как родила баба двойни». Потом в дальнейших рассказах мне почуялись старые Пролога.

Г-н член главного правления по делам печати, Гр. П. Данилевский, посетив графа Л. Н – ча в его тульском имении, поместил в «Историческом вестнике» описание, что он видел в рабочем кабинете графа.

Между прочим, г. Данилевский видел там *Пролога*.

Какие?

Есть Прологи новые, значительно сокращенные, – эти употребляются в господствующей церкви; и есть Прологи старые, более пространные, – эти печатаются о сию пору в Москве, в типографии тамошнего единоверческого монастыря, для единоверцев. Единоверческие Прологи состоят из четырех томов в лист; они продаются везде открыто, стоят 36 рублей и не разнятся в содержании ничем от старых, патриарших Прологов.

Г. П. Данилевский не отметил, *какие* Прологи лежат на столе графа Льва Толстого, но, судя по тому, что граф «износит» в своих народных рассказах, начитанный человек должен думать, что Л. Н – ч именно пользуется Прологами, издаваемыми типографией московского единоверческого монастыря, что отнюдь не предосудительно и никому не возбраняется.

Есть ли в тех Прологах рассказы в том духе, в каком являются художественные произведения графа Толстого?

Без сомнения, есть, и вот это-то и надо было показать обличителям графа, чтобы заставить их понять всю несправедливость и неуместность их нападков на графа Толстого со стороны его направления.

Это, я надеюсь, совершенно возможно, позволительно и даже необходимо для установления правильного критического отношения к рассказам графа.

Но этого-то самого простого дела до сих пор и не было сделано, и я попробую сделать первый подобный опыт.

Я надеюсь показать, что не только нет ничего предосудительного в том, если кто-нибудь пожелает представить простого человека способным самолично хорошо управлять свой путь, но что можно представить простого человека даже содействующим такие дела, которые приходились не по силам лицам духовным. Я все это сейчас приведу из Пролога.

II

Повесть о богоугодном дровоколе

Под восьмым числом сентября читаем в Прологе «слово от Лимониса о муринае дровосечии» («Благослови, отче!»).

Ради тяжести довольно неуклюжего и для многих совсем непонятного старинного допетровского церковного языка я предложу здесь эту повесть в моем пересказе – вполне близком фактически к подлиннику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.